

Н. В. Золотова, В. А. Мазиллов, М. В. Базиков

**Научное наследие Б. В. Зейгарник в отечественной медицинской
(клинической) психологии**

В статье анализируется творческий путь видного отечественного ученого, представителя московской школы медицинской (клинической) психологии Блюмы Вульфовны Зейгарник (1901–1986). Показана роль личности и вклад ученого в оформление патопсихологии в качестве самостоятельной отрасли психологического знания.

Предпринята попытка реконструкции этапов становления научного мировоззрения ученой, на которых осуществлялся творческий синтез передовых психологических идей первой половины XX столетия, определивших методологические основания разработанного Б. В. Зейгарник подхода к изучению психологических механизмов нарушения психической деятельности. Освещены некоторые идеи самого раннего, берлинского, периода деятельности, творчески разработанные и воплощенные в оригинальной патопсихологической концепции Б. В. Зейгарник. Привлекается внимание к основным факторам, обеспечивающим высокое качество и глубину научного познания: непрерывность научных и культурных традиций, тесная связь обучения и исследовательской работы, единство теоретических и практических изысканий, открытость новому, верность научным идеалам. Показано особое значение научного наследия Б. В. Зейгарник для решения ряда дискуссионных вопросов современной медицинской психологии в России, в первую очередь связанных с сохранением ее предметной специфики и укреплением статусных границ.

Ключевые слова: научное наследие, патопсихология, патопсихологический эксперимент, личностный компонент психической деятельности, отношение личности.

N. V. Zolotova, V. A. Mazilov, M. V. Bazikov

B. V. Zeygarnik's Scientific Heritage in Russian Medical (Clinical) Psychology

In the article the career of the prominent Russian scientist, representative of Moscow school of medical (clinical) psychology – Blyuma Vulfovna Zeygarnik is analyzed (1901–1986). The role of the personality and the scientist's contribution to registration of pathopsychology as an independent branch of psychological knowledge is shown.

An attempt is made to reconstruct stages of formation of the scientist's scientific outlook, the creative synthesis of the progressive psychological ideas of the first half of the XX century had, and it defined the methodological bases of the approach to study psychological mechanisms of violation of the mental activity developed by B. V. Zeygarnik. Some ideas of the earliest, Berlin, activity period are presented which were creatively developed and embodied in the original pathopsychological concept of B. V. Zeygarnik. The attention is drawn to the major factors providing high quality and depth of scientific knowledge: continuity of scientific and cultural traditions, close connection of training and research work, unity of theoretical and practical researches, openness to new things, and fidelity to scientific ideals. Special value of B. V. Zeygarnik's scientific heritage is shown for the solution of a number of debatable questions of modern medical psychology in Russia, first of all connected with preservation of its subject specificity and strengthening of status borders.

Keywords: scientific heritage, pathopsychology, a pathopsychological experiment, a personal component of mental activity, relation of the personality.

В ряде публикаций, посвященных актуальным вопросам современной российской медицинской (клинической)¹ психологии, в качестве ключевой выделяется проблема определения ее статуса [1; 2, с. 24; 5; 8; 27]. Актуальность данного вопроса обусловлена своеобразием исторического пути медицинской психологии в России в качестве междисциплинарной дисциплины и наличием до настоящего момента глубинного «методологического рассогласования» ее как с психологией, так и с медициной [25, с. 112]. Игнорирование задачи самоопределения медицинской психологии в пространстве научного знания, по прогнозам одних авторов, несет угрозу фактического исчезно-

вения клинической психологии как гуманитарной специальности, в частности, вследствие усиления «медицинской» образовательной модели [5]. Другие авторы, констатируя признаки инволюции современной отечественной медицинской психологии, объясняют нарушение ее естественного хода развития оформлением института профессиональных психологов, смещением предмета исследований из сферы актуальных задач, возникающих в общественной практике, в сферу «академической деятельности» [1, с. 25].

Действительно, распространенной в литературе является историческая схема, согласно которой на начальных этапах становления меди-

цинская психология представляла собой естественное продолжение врачебной практики (в первую очередь, психоневрологии) и расширение сферы практического человекознания, воплощая характерный для физиологии и медицины естественнонаучный подход к исследованию человека, в отличие от идеалистической психологии. Однако было бы ошибочным ограничивать предпосылки формирования новых специальных областей знания (пато- и нейропсихологии, специальной психологии) лишь внешними обстоятельствами, в качестве которых выступала необходимость решения практических задач: дифференциальной диагностики нервно-психических расстройств, топической диагностики при локальных поражениях головного мозга, а также воспитания и обучения детей с аномалиями развития. Своеобразие содержания, направления и форм решения коренных вопросов психологии в конкретные исторические периоды зависит не только от социально-экономических условий развития общества, но и от уровня развития других наук, а также детерминировано философско-методологическими предпосылками. Так, в основных положениях философского материализма XIX в. закладывались основы естественнонаучного понимания природы психических явлений и таким образом открывались реальные возможности объективного изучения психики в ее нормальном и болезненном состоянии, что способствовало переходу от интуитивных и эмпирических соображений к использованию метода эксперимента как в психологии, так и в медицине [30, с. 247; 32, с. 250]. В дальнейшем подход, связанный с изучением патологии психики, приобретает в России важнейшее теоретико-методологическое значение для развития общей теории психического, решения основных ее фундаментальных вопросов.

Направленность на изучение закономерностей нарушений психической деятельности в их сопоставлении с нормой, а также высокая культура эксперимента становятся отличительными особенностями московской школы отечественной клинической психологии [19, с. 327], ярким представителем которой является Блюма Вульфовна Зейгарник (1901–1988). Ее научно-практические разработки не только впервые конституировали патопсихологию в качестве самостоятельной отрасли психологического знания. Выходя за рамки предметной области патопсихологии, открытия и результаты исследований ученой наметили вектор развития отечественной

психологии, а также имеют значение для мирового профессионального сообщества [23, с. 13]. При столь очевидной актуальности рассматриваемых Б. В. Зейгарник проблемных направлений нельзя не заметить отсутствия специальных историко-психологических работ по анализу научного наследия ученой, позволяющих полноценно выявить глубокий потенциал содержащихся в нем идей. Информация о жизненной и научной биографии Б. В. Зейгарник, к сожалению, также является довольно скупой, но на основании имеющейся можно попытаться реконструировать этапы становления научного мировоззрения ученой, к чьим работам относились как к классике еще при жизни автора.

В немалой степени влияние на становление профессионального мышления Блюмы Вульфовны и формирование оригинального исследовательского подхода к изучению психики в норме и патологии оказал самый ранний период ее научной биографии, который можно обозначить условно как «берлинский». Уже тогда наметился ряд идей, которые будут творчески разработаны и воплощены в патопсихологической концепции Б. В. Зейгарник. Как указывается в биографической статье, воспроизводящей основные события непростой судьбы, Блюма Вульфовна родилась в самом начале XX века – 9 ноября (по новому стилю) 1901 г., была единственным ребенком в семье добропорядочных евреев Вульфа и Рони Герштейн, проживающих в маленьком литовском городке Пренай. После окончания с золотой медалью женской гимназии в 1918 г. Блюма Герштейн готовится к поступлению в университет, проводит много времени в библиотеке, где знакомится со своим будущим мужем Альбертом Янкевичем Зейгарником и в 1919 г. выходит за него замуж. В 1922 г. молодые супруги приезжают на учебу в Берлин – центр европейской культурной и научной жизни того времени. Блюма поступает на философский факультет Берлинского университета, директором которого являлся Вольфганг Келер; Альберт начинает учебу в Политехническом институте [9, с. 182–183].

Немецкая наука, по мнению исследователей, имела особое значение для развития экспериментальной психологии [29, с. 72]. Основным постулатом концепции университетского образования в Германии была тесная связь обучения и исследовательской работы, что обеспечивало самые благоприятные условия для процветания научных изысканий, в том числе в области новой науки – психологии. Одной из особенностей гер-

манских университетов являлась демократическая обстановка и академическая свобода как для преподавателей, так и для студентов [29, с. 73]. Как вспоминала позднее сама Блюма Вульфовна, атмосфера в Берлинском университете была открытой свободному общению и обсуждению научных вопросов. Была возможность постоянного диалога сторонников различных подходов, в том числе возможность непосредственного, личного общения начинающих исследователей с профессорами, с некоторыми из которых сложились теплые, доброжелательные отношения [31, с. 174]. Свободное посещение лекций в Берлинском университете привело к тому, что Блюма Вульфовна увлеклась идеями М. Вертгеймера, В. Келера, К. Коффки – «триумвирата» гештальтпсихологии, наиболее активно развивавшейся в 20-е гг. именно в Берлинском университете.

Особый интерес у юной студентки вызвали лекции и семинары молодого приват-доцента Курта Левина, выступавшего против «школярной» психологии и внесшего в психологию новаторский подход, связанный с экспериментальным изучением мотивационно-потребностной и аффективно-волевой сфер личности, ранее подвергавшихся лишь описанию и наблюдению. В своем подходе К. Левин продемонстрировал, что тонкие закономерности мотивационной сферы личности не являются прерогативой психоанализа или понимающей психологии, но доступны экспериментальному изучению. Идеи о личностном отношении и мотивации человека, воспринятые от К. Левина, будут определять направленность ее профессиональных интересов все последующие годы. Таким образом, первоначальный интерес начинающей исследовательницы к психологии «вообще», пришедший благодаря анализу психологических аспектов в литературе на уроках словесности в гимназии [9, с. 183], постепенно сконцентрировался на подходе К. Левина – яркого исследователя, разрабатывавшего динамическую теорию личности. Блюма Вульфовна вошла в кружок увлеченных молодых экспериментаторов, где сблизилась с выходцами из России – М. Овсянкиной, Т. Дембо, Г. Биренбаум, а также со ставшими в будущем другими известными психологами Ф. Хоппе, М. Юкнат, А. Карстен, В. Малер. Ставя на первый план задачу изучения реальных мотивов человеческого поведения, К. Левин стремился «увидеть» их в жизненном материале, поэтому посещал с учениками дома инвалидов, тюрьмы, колонии для малолетних преступников, клинику

психических заболеваний, что способствовало возникновению интереса Б. В. Зейгарник к патопсихологии [9, с. 185].

Подобно озарению, у К. Левина возникла идея изучения феномена незавершенных действий, который был также «подсмотрен» в реальной ситуации. Как вспоминала Б. В. Зейгарник, К. Левин со своими студентами находился в кафе. Вдруг ученый подозвал официанта и задал ему несколько вопросов. Выяснилось, что официант помнит заказы тех, кто еще не расплатился, и не может назвать заказы тех, кто уже ушел. Так появился замысел исследования (в рамках дипломной работы), посвященного изучению влияния мотивации на эффективность запоминания [31, с. 176]. Организация подобного эксперимента, в котором Б. В. Зейгарник была предоставлена полная самостоятельность, потребовала много усилий для отработки «технической» части методики. Полученные результаты К. Левин включил в свой доклад на Международном психологическом конгрессе (1926), через год была опубликована статья «Запоминание законченных и незаконченных действий», принесящая Б. В. Зейгарник известность на Западе. Обнаруженные в исследовании особенности функционирования психики, вошедшие в мировую психологию под названием «Зейгарник-эффект» или «феномен Зейгарник», стимулировали в дальнейшем огромный поток работ с разным контингентом испытуемых в различных странах. Как справедливо отмечал М. Г. Ярошевский, в психологической науке немногие результаты удавались присвоения имени получившего их исследователя [31, с. 179]. Можно добавить, что и у немногих ученых первая в их библиографическом списке публикация содержит столь значимые научные результаты и является предметом специального анализа. После публикации работы о прерванных действиях в 1927 г. Б. В. Зейгарник была присвоена степень доктора философии [9, с. 184]. К сожалению, на русском языке указанная работа была опубликована только в начале уже следующего, XXI, века [10].

Ядром левиновского метода Б. В. Зейгарник считала формирование некоего пласта жизни с целью построения особой структуры экспериментального доказательства [11, с. 49]. Существенным отличием метода К. Левина от обычных эмпирических исследований, по мнению Блюмы Вульфовны, является не только установление доброжелательной атмосферы, но и активное участие экспериментатора в ходе опыта, а

также совмещение одновременно функций актера, режиссера и исследователя [11, с. 53]. Как и актер, психолог должен реально взаимодействовать, включать испытуемого в ситуацию; как исследователь – влиять на динамику состояния, поддерживать проявляемые испытуемым тенденции, то есть контролировать существенные переменные. По глубокому убеждению Зейгарник, при изучении такого объекта, как динамические образования и состояния личности, детерминированные условиями деятельности и общения, нельзя формализовать и тем более свести до минимума действия экспериментатора. Поэтому реплики, интонации, мимика, гибкая тактика и тонкая наблюдательность психолога – необходимые средства развития, поддержания и контроля изучаемых переменных, позволяющие перейти от описания факта к анализу закономерностей его возникновения. Курт Левин осознавал, что в обучении описанному типу экспериментирования невозможно ограничиться только передачей приемов и «техническими» навыками, поэтому уделял особое внимание овладению искусством исследовательского поведения, созданию проблемных ситуаций и соответствующей личностной подготовке психологов-экспериментаторов [31, с. 178]. Тем самым в школе К. Левина формировалось определенное отношение к идеалам и нормам научного познания, освоение его методологических оснований.

Будучи всего на десять лет старше своих студентов, Курт Левин значительно опережал своих современников в методологическом плане. «Решающей в науке является теория, но всякая теория должна быть подтверждена экспериментом. Не от эксперимента к теории, а от теории к эксперименту – вот генеральный путь научного анализа. Всякая наука нацелена на нахождение закономерностей – психология должна тоже стремиться к нахождению психологических закономерностей», – приводила через много лет слова своего учителя Блюма Вульфова [15, с. 16]. В указанном аспекте показательное «обожание» К. Левиным фактов, противоречащих его теоретическим построениям, а также негативное восприятие «гладких», стопроцентных результатов [31, с. 178]. Не только тематика исследований и подход К. Левина к психологической науке были интересны начинающим исследователям. «Его школа стала как бы своего рода семьей, о которой он заботился. Главное же, что отличало Курта Левина, – это его большая и самозабвенная любовь к психологии. И поэтому все тянулось к

нему. Он часами говорил о науке в любой обстановке», – рассказывала Блюма Вульфова [31, с. 176]. Вслед за учителем, самозабвенно преданным науке, студенты начинали тоже *жить* психологией. Привлекали и личностные качества ученого: порядочность, готовность обсудить волновавшие студентов вопросы, а также эрудированность во многих вопросах биологии, физики, математики, художественной литературы. По мнению Б. В. Зейгарник, лидерские качества, заражавшее окружающих горение и педагогический талант К. Левина в немалой степени способствовали тому, что именно у него, а не у других исследователей Берлинского университета возникла своя научная школа [31, с. 177].

Совершенно закономерно может возникнуть представление о влиянии научного потенциала и личности К. Левина на становление профессионального мышления, развитие научного поиска и формирование особой человеческой индивидуальности его ученицы. По воспоминаниям, Блюма Вульфова, как и К. Левин, обладала большой наблюдательностью, интуитивностью и умением «вычерпывать» тонкое понимание человека из самых обыденных фактов [28, с. 96]. Указанные качества, с гармоничным сочетанием рациональности и эмоциональной чуткости, изящностью высказываний, а также высоким профессионализмом составляли магию человеческого обаяния Б. В. Зейгарник [24, с. 13]. И, наверное, далеко не случайно, что именно Б. В. Зейгарник тоже суждено было стать лидером и ведущим специалистом в новой научной области – патопсихологии, которая, благодаря ее разработкам, из разрозненной «области знаний» оформилась в особую ветвь науки, обладающую систематизированной теоретической проблематикой, очерченной областью практического приложения, упорядоченной системой подготовки кадров.

Овладение Б. В. Зейгарник в берлинский период высоким уровнем экспериментальной подготовки в немалой степени способствовало разработке и внедрению на следующих этапах творчества нового понятия «патопсихологический эксперимент», ставшего одним из классических в отечественной клинической психологии. Специфика патопсихологического эксперимента во многом обусловлена идеями школы К. Левина, которые были успешно реализованы в исследованиях Зейгарник: моделирование реальной ситуации эксперимента, установление причинно-следственных связей, активность экспериментатора. Созданная Б. В. Зейгарник модель патопси-

хологического эксперимента уникальна, так как в основе содержит парадигму естественнонаучного, классического эксперимента и одновременно отличается изменчивостью, неформальностью, импровизацией. Положению о том, что активное включение экспериментатора как важнейшего фактора воздействия на психическую деятельность пациентов способствует установлению особого типа взаимодействия и актуализации личностного отношения, включенного в структуру психических процессов и отражающего состояние мотивационно-потребностной сферы, Б. В. Зейгарник следовала неукоснительно и передавала его своим ученикам. В течение всей научной деятельности ее не оставляло убеждение в жизненности и актуальности эксперимента «по К. Левину», в котором сама экспериментальная ситуация выступает в качестве проблемной и порождает реальное жизненное «поле», актуализируя эмоции и механизмы саморегуляции, затрагивая самооценку, критичность и создавая таким образом возможность опосредованного анализа личности. Данное положение было неоднократно подтверждено в научных работах Зейгарник.

Непосредственное изучение эмоционально-волевой сферы личности в клинико-психологических исследованиях невозможно представить без введенных Блюмой Вульфовой в методический инструментарий отечественной патопсихологии методик изучения уровня притязаний, пресыщения. Указанные методические подходы, заимствованные из цикла экспериментальных исследований по «психологии действий и аффектов» школы К. Левина, были изучены в психологической лаборатории Б. В. Зейгарник, где были выявлены дополнительные существенные факторы, оказывающие влияние на результаты исследования, и внесены существенные уточнения в инструментальную часть методик [14, с. 51–55; 16, с. 61–66]. Методика изучения воспроизведения завершенных и незавершенных действий, разработанная в берлинский период самой Б. В. Зейгарник, использовалась в экспериментально-психологических исследованиях при различной психической патологии. На основании анализа полученных результатов, в частности, были обнаружены имеющие дифференциально-диагностическое значение особенности мотивационной сферы при шизофрении. Хотелось бы отметить, что открытый Б. В. Зейгарник феномен незавершенных действий и спустя многие годы нашел свое применение в практической психологии, в частности, глубоко повлиял на

гештальттерапевтическую концепцию незавершенных действий (ситуаций), в которой принцип завершения является одним из базисных [21, с. 28]. Исходя из утверждений Б. В. Зейгарник о тенденции возвращения к незавершенным действиям, а также о влиянии незавершенных действий на память и на целостную внутриспсихическую сферу личности, в гештальттерапии разработаны принципы терапии невротических состояний, возникающих вследствие незавершенных ситуаций в жизни человека [21, с. 29].

После окончания университета в 1927 г. у Блюмы Вульфовой возникают серьезные сложности с работой: иностранцев неохотно брали в университет, близкие друзья разъехались (Т. Дембо – в Америке, Г. Биренбаум – в Москве) и, судя по письму, написанному в 1928 г. Тамаре Дембо, Б. В. Зейгарник испытывает сильную тоску, подавленность, одиночество: «Я сейчас совсем одна и до того тошно, что и писать никому не хочется...» [13]. Являясь доктором философии, Б. В. Зейгарник работала до 1931 г. у К. Левина в качестве внештатного сотрудника: руководила семинарами, читала лекции, продолжала экспериментальную работу, которая, к большому сожалению, так и не была впоследствии описана [31, с. 177]. Переезд в 1931 г. в Советский Союз воспринимался Блюмой Вульфовой как «возвращение», так как в 1922-м она уезжала из того места, которое было по духу и образу жизни российским [9, с. 184]. С этого момента начинается новый период в ее жизни и творчестве, в котором главной областью научных интересов становится патопсихология. Работая научным сотрудником в психиатрической клинике Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), Б. В. Зейгарник знакомится с Л. С. Выготским. Лев Семенович руководил психологической лабораторией в институте и в сотрудничестве с А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьевым осуществлял экспериментально-психологические исследования в клинике. Л. С. Выготским была поставлена масштабная задача – найти в изучении патологии, как и в развитии психики ребенка, аргументы в пользу новой естественнонаучной психологии, способной объяснять не только элементарные, но и высшие – собственно человеческие – психические функции. Проводимые под руководством Л. С. Выготского исследования в клинике рассматриваются современными исследователями в рамках его программы создания новой психологии, объединяющей парадиг-

мы «естественных наук» и «наук о духе» [3, с. 57].

Анализ патологического материала в разрабатываемой теории культурно-исторического происхождения, структуры и развития высших психических функций являлся воплощением системного подхода к изучению психического функционирования. По убеждению Л. С. Выготского, основные методологические положения психологической науки наиболее ярко проявляются в нарушениях психических функций, в частности – именно медицинская психология в первую очередь формирует принцип системности [7, с. 98]. Не случайно, как указывают исследователи творчества Л. С. Выготского, основные теоретические положения культурно-исторической психологии были изложены им на клинических конференциях и съездах [7, с. 98]. На конкретном эмпирическом материале принцип системности реализовывался в школе Л. С. Выготского в качественном синдромном описании структуры нарушений – основополагающем принципе патопсихологического анализа [23, с. 18]. По нашему мнению, проделанная Л. С. Выготским работа в оформлении клинической психологии как сложившейся системы научного знания явно недооценена, а вопросу о преемственности идей Л. С. Выготского и Б. В. Зейгарник можно было бы посвятить отдельное исследование.

Блюма Вульфовна становится соратницей и последовательницей Л. С. Выготского, реализуя совместно с ним мотивационно-личностный подход к психической патологии. Организованные Л. С. Выготским экспериментальные исследования в рамках культурно-исторической концепции послужили началом системного изучения нарушений психической деятельности, проводимого позже Блумой Вульфовой и сотрудниками психологической лаборатории научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР. Разработанный в школе Л. С. Выготского – А. Р. Лурия – А. Н. Леонтьева диагностический инструментарий (классификация предметов, непосредственное заучивание, опосредованное запоминание) по праву войдет в золотой фонд отечественной патопсихологии. Содержательный анализ некоторых публикаций 30-х гг., где отражены результаты исследовательской работы в клинике ВИЭМ, руководимой Л. С. Выготским, позволяет обнаружить непосредственное влияние теории поля К. Левина на объяснение выявляемых феноменов. Данный

факт не удивителен, так как Л. С. Выготский, существенной характеристикой научного потенциала которого являлась открытость новому, готовность принимать и развивать его, признавал значение современных психологических идей для формирования общепсихологической теории [7, с. 99]. Современные исследователи даже считают правомочным выделение гештальтпатопсихологии в качестве одного из направлений советской медицинской психологии, интенсивно развивавшейся в 20–30-е гг. XX в. [20, с. 102].

Курта Левина и Льва Семеновича Выготского Б. В. Зейгарник считала величайшими психологами своего времени, мечтала познакомиться и в 1933 г. организовала их встречу. Планировался перевод научных работ К. Левина на русский язык и их издание в СССР. Но вскоре Л. С. Выготский ушел из жизни, а эмигрировавший в США К. Левин оказался по другую сторону «железного занавеса», оставив разработки в области психологии личности. «Она никогда не говорила впоследствии о той душевной пустоте, которая возникла в результате отрыва от своих бывших однокашников по Берлинскому университету и от своего учителя. Ранний уход Л. С. Выготского она также воспринимала глубоко трагично, считая, что великий ученый преднамеренно отказывался от лечения, вспоминала о нем с грустью. Портрет Льва Семеновича всегда стоял у нее за стеклом одной из книжных полок», – пишет А. В. Зейгарник [9, с. 185].

Принятие известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936) и последовавшая за ним идеологическая кампания против психологической науки отрицательно отразились и на развитии советской медицинской психологии, которая лишилась теоретических и методических средств, необходимых для научной и практической работы [20]. Известно, что Б. В. Зейгарник во второй половине 30-х гг. работала в подразделении института психиатрии Минздрава РСФСР (преобразованном в 1938 г. из психиатрической клиники ВИЭМ) в должности психолога-невролога, являясь к тому времени кандидатом биологических наук [9, с. 185]. Естественно, что научная степень доктора философии, полученная в Берлинском университете, в условиях возводимых барьеров между советской и западной наукой, призывами бороться с буржуазными реакционными психологическими течениями представляла прямую опасность для нее. В вышеупомянутой биографической статье нет информации

о жизни и творчестве Б. В. Зейгарник во второй половине 30-х гг., но имеющийся факт отсутствия публикаций с 1936 по 1939 г. служит косвенным подтверждением наличия идеологического и политического пресса в советской науке, создававшего тяжелейшие условия для ученого.

Летом 1940 г. происходят драматические события уже в личной жизни Б. В. Зейгарник. Мужа Блюмы Вульфовны арестовывают по обвинению в шпионаже, многие родственники мужа были также репрессированы. События этих лет наложили глубокий отпечаток на всю последующую жизнь Блюмы Вульфовны. «Основным в ее жизни стал страх, прежде всего за судьбу своих детей, внутренняя цензура. При необыкновенной открытости душевной, которая была так свойственна ее характеру, появилась закрытость информационная. Внутри семьи она избегала тем о тех родственниках, которые жили за границей, о берлинском и доберлинском периодах ее жизни. Все, что связывало ее с западной наукой, фактически, было табу. Марксистское мировоззрение в семье было “официальным”, а о том, что она действительно думает и чувствует, можно было только догадываться», – вспоминает А. В. Зейгарник [9, с. 186].

В годы Великой Отечественной войны возобновляются активные медико-психологические разработки на базе различных клиник и госпиталей, что было обусловлено актуальными запросами военного времени. Деятельность Б. В. Зейгарник проходила в уральском восстановительном госпитале (г. Кисегач), где под руководством А. Р. Лурии группа научных сотрудников занималась изучением нарушений психической деятельности бойцов с травмами головного мозга и разработкой способов восстановления их работоспособности. Исследования носили не только практико-ориентированный, но и фундаментальный характер. Так, одним из направлений работ было изучение психической активности, соотношения органического и функциональных факторов при поражениях мозга. Б. В. Зейгарник проводила патопсихологические исследования больных с реактивной постконтузионной глухотой, в развитии которой были выявлены определенные психогенные факторы. Здесь находило практическое и научное воплощение ее гуманистическое отношение к больному, понимание важности сохранения его межличностных и профессиональных отношений в процессе реабилитации. Как сообщает А. В. Зейгарник, на основе проводимых в госпи-

тале исследований уже после войны Блюма Вульфовна подготовила диссертационную работу, но близкая к завершению работа была украдена одним из сотрудников института психиатрии, бывавших у нее дома [9, с. 187]. Опасаясь обвинений в плагиате, Блюма Вульфовна уничтожила все черновики, и в послевоенный период выходили лишь отдельные публикации, в основном посвященные исследованиям последствий травм головного мозга.

После возвращения в Москву в 1943 г. Б. В. Зейгарник вновь работает в ЦНИИ психиатрии в должности заведующей психологической лабораторией, которая становится научно-исследовательским центром по разработке проблем патологии психики. Все свои творческие силы Блюма Вульфовна посвящает практической работе, а также созданию методологических основ патопсихологии, имеющей свой автономный предмет и вместе с тем широкие междисциплинарные связи со всеми областями психологии и клинической практикой, разработке принципов и методов исследования. Проблематику патопсихологии, ее достижения и перспективы Зейгарник всегда рассматривала в тесной связи с развитием и состоянием общей психологии. Положения концепции культурно-исторического формирования психики Л. С. Выготского, преданные с 30-х гг. XX в. забвению в официальной науке, продолжали выступать для Б. В. Зейгарник одними из основополагающих. В послевоенный период важнейшими научными ориентирами, определяющими общепсихологический фундамент патопсихологических исследований, становятся также теоретические положения научных школ А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна. Исследовательский подход Б. В. Зейгарник, таким образом, обнаруживает прямую преемственность с базовыми общепсихологическими категориями деятельности, отношения, мотива.

Именно с этих позиций решался вопрос о патопсихологии как междисциплинарной отрасли знания. По убеждению Зейгарник, понятийный аппарат патопсихологии, логика анализа нарушений психики и методические подходы к их исследованию определяются общепсихологическим знанием. Вместе с тем Б. В. Зейгарник подчеркивала обусловленность успешного развития клинко-психологического знания в историческом аспекте его глубокой связью с медицинской практикой – неврологией и психиатрией, ставившей задачи тонкой дифференциальной диагностики заболеваний, служившей стимулом к

научным поискам. По отзывам коллег, тезис о единстве теории и практики на протяжении всего профессионального пути никогда не был для Блюмы Вульфовны формальностью. Научные обобщения возникали в практической работе с больными и находили воплощение в решении повседневных вопросов психиатрической клиники [24, с. 13]. Ассимилировав научные положения психиатрии, патопсихологии XX в. смогла сохранить свою собственную предметную специфику в исследуемой клинической реальности. В условиях усложнения и хронизации проблем современной отечественной клинической психологии, связанных с ее названием, статусом, постоянно расширяющимся предметом исследования, общей структурой, теоретическими и практическими задачами, а также профессиональной подготовкой, научное наследие Б. В. Зейгарник приобретает сегодня особую значимость для всех разделов клинической психологии.

Особенности социокультурной истории, обуславливающие ряд противоречивых тенденций в современной российской психологической науке, заставляют внимательнее отнестись к словам Б. В. Зейгарник о необходимости сохранения традиций отечественной патопсихологии, сохранения и укрепления ее статусных границ. Актуально сегодня звучат и слова о повышенных требованиях к применяемым экспериментальным методикам, качественном углубленном анализе данных в противовес измерительной направленности в оценке психических особенностей и «шаблонному» характеру диагностики. Несмотря на значительные научные достижения и дальнейшие перспективы патопсихологии, в огромной степени связанные с работами Б. В. Зейгарник, она с горечью писала о превращении науки в «методический придаток», об отсутствии возможности широкого разворачивания экспериментально-психологических исследований. Считая необходимым отстоять профессиональную независимость клинических психологов, она неоднократно обращалась к научному сообществу, настойчиво поднимала вопрос об укреплении сотрудничества между психологией и медициной, что не потеряло своей актуальности и в наши дни.

В работах Б. В. Зейгарник и ее учеников были подтверждены основные методологические положения отечественной психологии и показана возможность исследования с позиций теории деятельности клинко-психологических феноменов, ранее подвергавшихся лишь описанию. Так,

в первой крупной работе по изучению патологии мышления – «Нарушения мышления у психических больных» (1958) – были обобщены результаты многочисленных экспериментально-психологических исследований и впервые представлена психологическая квалификация расстройств мышления, основой создания которой стали общие закономерности данного процесса. Сопоставление богатейшего экспериментального материала с клиническими данными, реализованное в монографии, открыло возможность использования обнаруженных вариантов нарушения как диагностически значимых для клинической практики.

Не будет ошибочным утверждение, что указанная публикация имела и историческое значение для психологической науки 50-х гг., которая после печально известной Павловской сессии (1950), а также объединенного заседания Президиума АМН СССР и пленума правления Всесоюзного общества психиатров (1951) вынуждена была отстаивать независимость от физиологии высшей нервной деятельности, а также доказывать свой научный статус и легитимность в психиатрии. Непростыми были эти годы и лично для Блюмы Вульфовны, что было связано с ужесточением в послевоенные годы идеологического режима в СССР и развернувшейся государственной борьбой с космополитизмом, сопровождавшейся усилением волны антисемитизма. В 1950 г. Блюма Вульфовна перестала руководить психологической лабораторией ЦНИИ Психиатрии, в 1953 г. – официально оказалась без работы, поддерживаемая в тяжелой ситуации немногими близкими ей людьми. Лишь в 1957 г. она была восстановлена в должности заведующей психологической лабораторией [9, с. 189].

Переход от изучения распада отдельных функций к изучению изменений различных форм деятельности больного, в структуру которой включены и изменения отношений, личностных установок, мотивов человека, позволил сформулировать методологическое положение об опосредованности психических процессов личностью, которое стало одним из центральных в патопсихологии и пронизывает все классические труды Б. В. Зейгарник. Изучение личностного компонента познавательной деятельности необходимо рассматривать как новое теоретическое и практическое направление клинических исследований, способствующее целостному видению психических нарушений, пониманию их сущности и детерминации. Личностный компонент психической

деятельности связан с мотивационно-потребностной сферой человека и проявляется в различных нюансах отношения испытуемого к исследованию. Измененное отношение, являясь индикатором измененной личности, может участвовать в построении психопатологического синдрома и должно быть отражено в построении патопсихологического эксперимента, писала Б. В. Зейгарник. Экспериментальные наработки Б. В. Зейгарник и ее сотрудников показали высокую диагностическую значимость категории «отношение» в анализе структуры патопсихологического синдрома при различных психических заболеваниях.

Понимание Б. В. Зейгарник сущности и детерминации психической деятельности оказывается близким положению о единстве функции и отношения, обоснованному другим выдающимся ученым, основателем школы ленинградской медицинской психологии В. Н. Мясищевым. Так, уже в одной из своих ранних работ «Работоспособность и болезни личности» (1935) В. Н. Мясищев обобщает нарушения работоспособности при психической патологии на основе различий в характере личностного отношения к выполняемым заданиям [22]. Интересно отметить, что в указанной работе-анализе используются понятия насыщения и уровня притязания, введенные в школе К. Левина. Подобные параллели вполне закономерны, поскольку В. Н. Мясищев, обладая широкими научными взглядами, в своей профессиональной деятельности всегда активно интересовался новыми зарубежными психологическими теориями, концепциями и методами исследования.

В частности, В. Н. Мясищев высоко оценивал «натурализацию» эксперимента в школе К. Левина, актуализация личностного отношения в обстановке которого отличается от условий лабораторного исследования [22, с. 38]. Связывая продвижение в изучении работоспособности с развитием психологии волевого процесса, В. Н. Мясищев отмечал крупные достижения К. Левина и его сотрудников в данном вопросе [22, с. 36]. Обозначив базовые факторы, определяющие отношение к выполняемой работе в норме и патологии, В. Н. Мясищев показал роль насыщения и притязания в динамике отношения в процессе работы и, соответственно, в кривой работоспособности. В целом, категорию «отношение», понимаемую как «инструмент» анализа психической жизни человека, можно рассматривать как связующее звено психологических взглядов таких представителей разных психологиче-

ских школ, как Б. В. Зейгарник и В. Н. Мясищев. Общей для ученых была убежденность в том, что изучение отношения испытуемого к исследованию дает богатый материал для дальнейших методологических разработок проблем психологии личности. Таким образом, исследовательский подход Б. В. Зейгарник к изучению психики можно рассматривать как творческий синтез передовых психологических идей первой половины XX столетия (К. Левин, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясищев и др.).

Представления о роли личностного компонента в структуре познавательной деятельности были сконцентрированы в последние годы жизни Б. В. Зейгарник на разработке проблемы опосредствования и построении концептуальной модели саморегуляции субъекта. Опосредствованность рассматривалась как одно из особых личностных образований, связанное с самосознанием, возможностью рефлексии и формирующееся в процессе саморегуляции [12, с. 11]. Истоки изучения вопроса о связи регуляции и опосредствования поведения, как указывала Зейгарник, содержатся в представлениях Л. С. Выготского о регулятивной функции процесса оперирования знаками и символами в психической деятельности человека [12, с. 10]. Разработка проблемы саморегуляции, понимаемой ею очень широко – в контексте человеческой свободы и активности личности, представлялась одним из путей реализации гуманистических ориентаций в психологии [18, с. 122]. Как подчеркивалось, саморегуляция зрелой личности обеспечивает конструктивную позицию по отношению к самому себе и своей деятельности, раскрывает внутренние резервы человека, дающие ему относительную свободу от обстоятельств и возможность актуализации, личностного развития и совершенствования [18, с. 122–123].

Конкретизация общих представлений о саморегуляции поведения осуществлялась в ходе изучения под руководством Зейгарник особенностей рефлексивной регуляции мышления – наиболее осознанной и произвольной организации данного процесса – при психической патологии [17, 18]. Психологический анализ данных, полученных по специально разработанному экспериментальному блоку методик, позволил установить, что у больных шизофренией происходит нарушение способности к смене позиции с объективацией и анализом собственных действий, которая формируется в процессе коммуникации и является важнейшим условием рефлексивной регуляции. Было уста-

новлено, что снижение общей продуктивности познавательной деятельности, выраженность негативной симптоматики при шизофрении обусловлена личностными изменениями – так называемой установкой на самоограничение, которая формирует определенный личностный смысл проблемной ситуации, связанный с уходом из ситуации эмоционального и интеллектуального напряжения, ограничением поля деятельности привычными и доступными способами, бедностью ходов в решении содержательного затруднения [17, с. 1815].

Проблема овладения своим поведением через воспитание и развитие рефлексии, которая дифференцировалась с волевой регуляцией, рассматривалась как важнейшая в аспекте педагогических и психокоррекционных задач [18, с. 122]. Обычный феноменологический критерий воли – чувство усилия – в житейских ситуациях всегда связан с сохранением внутренней конфликтности или даже обострением конфликта мотивов. В особых, критических ситуациях процесс управления овладения своим поведением тем более не может сводиться только к преодолению внешних и внутренних трудностей для осуществления принятой цели, поскольку формирование мотивов и целей невозможно. Следовательно, в критических ситуациях более эффективна саморегуляция – сознательная внутренняя деятельность по смыслопорождению, устранение внутренних конфликтов и противоречий, что сопровождается чувством облегчения, сменяющим переживание конфликта. Осуществляемое в процессе рефлексии отчуждение эмоционально негативного, патогенного или неадекватного содержания, таким образом, направлено на гармонизацию мотивационной сферы личности. В данном случае рефлексия понималась Б. В. Зейгарник как высшая форма переживания, решающий, поворотный момент в существовании человека, результатом которого является преобразование себя и своей жизни в условиях невозможности реализации прежнего жизненного замысла [18, с. 123].

Подобное понимание рефлексии очень близко философскому осмыслению жизни, по С. Л. Рубинштейну [26, с. 352]. Указанный способ существования человека приостанавливает, прерывает процесс жизни, связанный с непосредственными связями и отношениями, выводит человека из полной поглощенности сложившимся укладом жизни, неосознаваемым бытием для выработки собственной позиции, отношения к жизни в целом. Соотношения мировоззренческих

чувств как выражение отношения человека к жизненным ситуациям индивидуальны и неповторимы, но лишь определенные соотношения чувств этически оправданны, приемлемы, закономерны применительно в данной исторической или личностной ситуации, считала Б. В. Зейгарник. Важным условием становления зрелой личности и самосовершенствования выступало для нее воспитание и развитие не только воли, но и рефлексии, осознанности собственных смысловых ориентаций и способности к освобождению от конфликтных смыслов. Развитие проблемы опосредствования и саморегуляции рассматривается в литературе в контексте дальнейшей реализации идей культурно-исторического и деятельностного подходов применительно к проблеме психической нормы и патологии [19, с. 312]. Однако следует согласиться и с тем, что собственный опыт выживания Б. В. Зейгарник в трагических жизненных условиях, испытания и нравственные выборы, которые ей приходилось совершать, в не меньшей мере способствовали обращению к понятиям смысла, самосознания и саморегуляции [28, с. 96]. Таким образом, концептуальная модель саморегуляции, разрабатываемая Б. В. Зейгарник и ее сотрудниками, содержит глубокий эвристический потенциал для дальнейшего теоретического изучения и практического применения в сфере воспитания, оказания психологической помощи и реабилитации.

Расширение психологических проблем в медицине, как предвидела Б. В. Зейгарник, неизбежно должно привести к распространению патопсихологического эксперимента не только в психиатрии, но и в клинике соматических заболеваний. По глубокому убеждению Б. В. Зейгарник, инновации в соматической медицине главным образом должны концентрироваться на проблеме личности. Блюма Вульфовна мечтала о создании общей психологии личности, но, к сожалению, вследствие социально-политических условий, а также по причине постоянной дискредитации психологии со стороны медицины не имела возможности полноценно заниматься изучением всегда волновавших ее вопросов, связанных с познанием личности и поиском способов ее развития и возвышения [16, с. 111]. Что касается конкретных психофизиологических разработок, то исследование роли активности личности в симптомогенезе рассматривалось в качестве одной из перспективных линий развития патопсихологии, как в практическом, так и в теоретическом плане. Б. В. Зейгарник считала методологически адек-

ватным использованием в работе клинического психолога качественного ретроспективного анализа жизненного пути человека до болезни (или метода анамнеза, по В. Н. Мясищеву). Просмотр с больным истории его жизни и переживаний, анализ «генезиса человеческой личности» позволяет, в понимании В. Н. Мясищева и Б. В. Зейгарник, осмыслить систему отношений личность-образующей среды, вскрыть некоторые патогенетические условия формирования и развития мотивационно-потребностной сферы пациента.

Данью памяти и верности учителю – К. Левину являлись лекционный курс Б. В. Зейгарник на факультете психологии МГУ, который воспринимался слушателями как особое притягательное событие, «полученное из первых рук» знание, глоток свежего воздуха [6, с. 6], а также монография «Теория личности К. Левина» (1981). В указанной монографии Зейгарник ввела читателя в «поле» К. Левина в берлинский период его творчества, показала глубину и многоаспектность его разработок, самобытность и оригинальность подхода. Б. В. Зейгарник познакомила советских психологов с идеями и других западных психологов, внося значительный вклад в разработку истории психологии. На высоком научном уровне ею были проанализированы методологические основания и теоретическое содержание основных концепций личности, разработанных зарубежной психологией в XX столетии (1982). Отличительной чертой историко-психологических исследований Б. В. Зейгарник является их компаративный характер, попытки проследить параллели в развитии отечественной и зарубежной психологической науки, стремление объективно отразить отдельные конструктивные элементы в «методологически чуждых» подходах. Особого уважения заслуживает тот факт, что указанная научная работа вышла в свет в то время, когда еще не отошло в прошлое черно-белое деление психологических теорий на «правильные» и «неправильные» и представления о стереотипном единстве теоретических воззрений всех западных ученых. Данная монография способствовала более широкому ознакомлению советской научной общественности с трудами ведущих зарубежных исследователей в области психологии личности. По глубокому убеждению Б. В. Зейгарник, непрерывность научных и культурных традиций обеспечивает глубину и высокое качество научного познания.

Семейный архив Блюмы Вульфовой очень скуден и не содержит привычных для крупного ученого автобиографий, записей, воспоминаний, о

себе говорить она тоже не любила. Как поясняет А. В. Зейгарник, при обыске во время ареста мужа была опечатана комната с многочисленными документами, которые так и пропали бесследно. Все последующие записи, черновики беспощадно уничтожались, причем в этом деле Б. В. Зейгарник по ее просьбе «помогали» близкие друзья, ученики. Немногочисленные записи, которые сохранились, изобилуют неточностями. Часть из них – результат «конспиративной программы», которой придерживалась Блюма Вульфова, часть – следствие того, что она не считала важными многие детали своей жизни, не придавала им значения. По этому поводу А. В. Зейгарник приводит несколько забавных примеров. Во всех биографических справках указывается, что она родилась в 1900 г., на самом же деле год ее рождения – 1901. «Разве это важно?» – говорила она, – «годом больше – годом меньше...» [9, с. 187]. Другой пример связан с учебой в Берлинском университете, куда приезжали с лекциями многие ученые. В частности, Б. В. Зейгарник любила рассказывать, какое впечатление произвели на нее лекции Альберта Эйнштейна, но не его научные умозаключения, в которых Блюма Вульфова ничего не понимала, а личность самого ученого, его глаза, зажигательная речь. В одном интервью финской газете Б. В. Зейгарник вдруг сказала, что приезжал не Эйнштейн, а Эйзенштейн с лекциями по теории искусства, и опять-таки ее интересовала не столько суть лекции, сколько личность лектора [9, с. 187].

О личности, человеческой индивидуальности Блюмы Вульфовой известно немного, в основном из высказываний и воспоминаний ее ближайших современников. Коллеги и сотрудники Блюмы Вульфовой вспоминают о ней как о профессиональном психологе-клинисте с неординарной человеческой индивидуальностью: «Она была необычайно доброй, скромной, с потрясающим чувством юмора и одновременно очень мужественной... Она умела вызвать доверие даже у тяжело психически больных» [4, с. 8]. «Масштабные жизненные цели могут быть воплощены в жизни только человеком с сильным, стойким характером. Таким характером и обладала Блюма Вульфова – маленькая женщина с заразительным смехом», – писали В. В. Николаева и Ю. Ф. Поляков [24, с. 14]. В людях одним из главных критериев для нее являлись порядочность, надежность, душевная чистота, опосредствованность – она и сама обладала такими качествами.

Блюма Вульфовна была человеком, лояльность которого могла бы служить примером для многих. В оценках людей не была однозначной и прямолинейной; одной и той же фразой («хороший человек»), но произнесенной с различной интонацией, она могла тонко передать свое отношение. Рассказывают, что у Б. В. Зейгарник была поразительная способность определять людей по внешним признакам (лицу, походке, рукам), могла почувствовать, например, что человек способен на подлость. Возможно, эта способность была наследием давно ушедших трудных времен, а может, это просто был великий опыт клинициста, человека-наблюдателя [9, с. 192]. Обладая тонким чувством юмора, Б. В. Зейгарник была мастером метких высказываний. «Есть хорошие люди с плохим характером и плохие люди с хорошим характером; главное – уметь отличать одних от других», – вспоминает Е. Т. Соколова наполненное глубокой жизненной мудростью наставление учителя [28, с. 98].

В ее квартиру в Большом Тишинском переулке всегда приходили многие – аспиранты, люди, нуждавшиеся в профессиональной консультации или просто искавшие человеческой помощи и участия. Душевно щедрый, отзывчивый человек, она была внимательна к окружающим, интересовалась их проблемами, принимала во всех живое участие, помогая многим в трудные минуты их жизни. Будучи очень проницательным человеком, с живым, не лишенным сарказма умом, Блюма Вульфовна могла позволить себе критические высказывания относительно социальных изменений, начавшихся в 80-е гг., предвидела масштабы будущих разрушений, сомневалась в их оправданности. «Личность теперь найдешь разве что среди сумасшедших», – говорила она с горечью [28, с. 98]. Волновали ее и события культурной жизни, а литературные произведения часто служили иллюстрацией лекционного материала. С особым вниманием Б. В. Зейгарник читала произведения В. Быкова, Ч. Айтматова, В. Тендрякова, любила и умела «слышать» в литературных коллизиях и персонажах перекличку с созвучными ей идеями об «опосредствованности», «целесообразности», «смысловых образованиях личности», об ответственности человека за «выбор» и свои поступки [24, с. 98].

В научной и личной судьбе Б. В. Зейгарник в полной мере отразилась история переломной эпохи XX в. в нашей стране. Эти трагичные для многих передовых ученых времена требовали жизненной стойкости, мужества и глубокой веры в

необходимость своего труда. Блюма Вульфовна Зейгарник до последнего дня оставалась верна своим научным позициям, была предана любимому делу. Несмотря на выпавшие ей в жизни испытания, Б. В. Зейгарник сумела сохранить гуманистическое отношение к миру, радость научного поиска и глубокой профессиональной, а также человеческой дружбы, подарив коллегам и многочисленным ученикам свою неповторимую человеческую индивидуальность, живой пример человеческого достоинства, мудрости и гуманизма.

Библиографический список

1. Алехин, А. Н. Медицинская психология: поле практики и задачи научной дисциплины [Электронный ресурс] / А. Н. Алехин. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_2_3/nomer/nomer07.php (Дата обращения: 15.09.15).
2. Алехин, А. Н. Теоретический потенциал медицинской психологии в пространстве психологических знаний [Текст] / А. Н. Алехин // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2012. – № 145. – С. 18–28.
3. Ахутин, Т. В. Роль Л. С. Выготского в развитии нейропсихологии [Текст] / Т. В. Ахутин // Методология и история психологии. – 2007. – Том 2. – Выпуск 4. – С. 57–68.
4. Белопольская, Н. Л. Предисловие [Текст] / Н. Л. Белопольская // Хрестоматия по патопсихологии / сост. Н. Л. Белопольская. – М. : УРАО, 1998. – С. 3–8.
5. Беребин, М. А. Образование по клинической психологии в России: вперед с широко закрытыми глазами вбок в тупик [Электронный ресурс] / М. А. Беребин. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer06.php (Дата обращения: 15.09.15).
6. Гинзбург, М. Р. Предисловие [Текст] / М. Р. Гинзбург // Психология личности: норма и патология: Избранные психологические труды / под редакцией М. Р. Гинзбурга. – Издание 2-е, испр. – М. : Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж : НПО «МОДЕК», 2003. – 416 с. – (Серия «Психологи России»).
7. Глозман, Ж. М. Л. С. Выготский и А. Р. Лурия: истоки сотворчества [Текст] / Ж. М. Глозман, Т. В. Степанченко // Вопросы психологии. – 2004. – № 6. – С. 93–101.
8. Зверева, Н. В. Медицинская (клиническая) психология: научные проблемы, практическая деятельность и вопросы подготовки специалистов [Электронный ресурс] / Н. В. Зверева, И. Ф. Рощина, Е. Г. Каримуллина. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2009-1-1/nomer/nomer04.php (Дата обращения: 15.09.15).
9. Зейгарник, А. В. Блюма Вульфовна Зейгарник

(попытка воспроизведения жизненного пути) [Текст] / А. В. Зейгарник // Консультативная психология и психотерапия. – 2001. – № 4. – С. 182–193.

10. Зейгарник, Б. В. Запоминание законченных и незаконченных действий [Текст] / Б. В. Зейгарник // Динамическая психология: Избранные труды / общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. – М.: Смысл, 2001. – С. 427–495.

11. Зейгарник, Б. В. Об эксперименте в школе К. Левина [Текст] / Б. В. Зейгарник // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14, Психология. – 1987. – № 1. – С. 48–52.

12. Зейгарник, Б. В. Опосредствование и саморегуляция в норме и патологии [Текст] / Б. В. Зейгарник // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 14, Психология. – 1981. – № 2. – С. 9–15.

13. Зейгарник, Б. В. Письмо Тамаре Дембо от 1928 г.

14. Зейгарник, Б. В. Пути исследования эмоционально-волевой сферы психически больных [Текст] / Б. В. Зейгарник // Вопросы экспериментальной патопсихологии. – 1965. – С. 42–57.

15. Зейгарник, Б. В. Теория личности К. Левина [Текст] / Б. В. Зейгарник. – М.: МГУ, 1981. – 118 с.

16. Зейгарник, Б. В. Очерки по психологии аномального развития личности [Текст] / Б. В. Зейгарник, Б. С. Братусь. – М.: МГУ, 1980. – 169 с.

17. Зейгарник, Б. В. Нарушения саморегуляции познавательной деятельности у больных шизофренией [Текст] / Б. В. Зейгарник, А. Б. Холмогорова // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1985. – Т. 85. – № 12. – С. 1813–1819.

18. Зейгарник, Б. В. Саморегуляция поведения в норме и патологии [Текст] / А. Б. Холмогорова, Е. С. Мазур // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 2. – С. 122–132.

19. Клиническая психология: в 4 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / под ред. А. Б. Холмогоровой. Т. 1: Общая патопсихология / А. Б. Холмогорова. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 464 с.

20. Курек, Н. С. История советской медицинской психологии в 1920–1930 гг. [Текст] / Н. С. Курек // Психологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 95–106.

21. Мазур, Е. Концепция незавершенных действий в гештальттерапии [Текст] / Е. Мазур // Сборник материалов Всероссийской конференции по гештальттерапии Гештальт-95. – М., 1996. – С. 38–45.

22. Мясисев, В. Н. Работоспособность и болезни личности [Текст] / В. Н. Мясисев // Хрестоматия по патопсихологии / сост. Б. В. Зейгарник, А. П. Корнилов, В. В. Николаева. – М.: МГУ, 1981. – С. 36–48.

23. Николаева, В. В. Б. В. Зейгарник и патопсихология [Текст] / В. В. Николаева // Психологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 13–21.

24. Николаева, В. В. Феномен Зейгарник [Текст] / В. В. Николаева, Ю. Ф. Поляков // Патопсихология / под ред. А. С. Спиваковской. – М.: ЭКСМО-Пресс. – 2000. – С. 9–18.

25. Пережигина, Н. В. Становление клинической психологии и формирование объективного клинико-психологического метода в России [Текст] / Н. В. Пережигина // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. – Часть 2. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 111–113.

26. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.

27. Русина, Н. А. Клинический психолог в системе здравоохранения: проблемы, реалии, перспективы [Электронный ресурс] / Н. А. Русина. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2012_1_12/номер/номер05.php (Дата обращения: 15.09.15).

28. Соколова, Е. Т. Феномен личности Б. В. Зейгарник (к 100-летию со дня рождения) [Текст] / Е. Т. Соколова // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 94–99.

29. Шульц, Д. История современной психологии [Текст] / Д. Шульц, С. Шульц. – СПб.: Евразия, 1998. – 528 с.

30. Якунин, В. А. История психологии: учеб. пособие [Текст] / В. А. Якунин. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 379 с.

31. Ярошевский, М. Г. В школе Курта Левина. Из бесед с Б. В. Зейгарник [Текст] / М. Г. Ярошевский // Вопросы психологии. – 1988. – № 3. – С. 172–179.

32. Ярошевский, М. Г. История психологии [Текст] / М. Г. Ярошевский. – М.: Мысль, 1966. – 565 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alehin, A. N. Medicinskaja psihologija: pole praktiki i zadachi nauchnoj discipliny [Elektronnyj resurs] / A. N. Alehin. – Rezhim dostupa: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_2_3/номер/номер07.php (Data obrashhenija: 15.09.15).

2. Alehin, A. N. Teoreticheskiy potencial medicinskoj psihologii v prostranstve psihologicheskikh znanij [Tekst] / A. N. Alehin // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. – 2012. – № 145. – S. 18–28.

3. Ahutina, T. V. Rol' L. S. Vygotskogo v razvitii nejropsihologii [Tekst] / T. V. Ahutina // Metodologija i istorija psihologii. – 2007. – Tom 2. – Vypusk 4. – S. 57–68.

4. Belopol'skaja, N. L. Predislovie [Tekst] / N. L. Belopol'skaja // Hrestomatija po patopsihologii / sost. N. L. Belopol'skaja. – M.: URAO, 1998. – S. 3–8.

5. Berebin, M. A. Obrazovanie po klinicheskoy psihologii v Rossii: vpered s shiroko zakrytymi glazami vbok v tupik [Elektronnyj resurs] / M. A. Berebin. – Rezhim dostupa: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2014_5_28/номер/номер06.php (Data obrashhenija: 15.09.15).

6. Ginzburg, M. R. Predislovie [Tekst] / M. R. Ginzburg // Psihologija lichnosti: norma i patologija: Izbrannye psihologicheskie trudy / pod redakciej M. R. Ginzburga. – Izdanie 2-e, ispr. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: NPO «MODEK», 2003. – 416 s. – (Serija «Psihologi Rossii»).
7. Glozman, Zh. M. L. S. Vygotskij i A. R. Lurija: istoki sotvorchestva [Tekst] / Zh. M. Glozman, T. V. Stepanchenko // Voprosy psihologii. – 2004. – № 6. – S. 93–101.
8. Zvereva, N. V. Medicinskaja (klinicheskaja) psihologija: nauchnye problemy, prakticheskaja dejatel'nost' i voprosy podgotovki specialistov [Elektronnyj resurs] / N. V. Zvereva, I. F. Roshhina, E. G. Karimullina. – Rezhim dostupa: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2009-1-1/nomer/nomer04.php (Data obrashhenija: 15.09.15).
9. Zejgarnik, A. V. Bljuma Vul'fovna Zejgarnik (popytka vosproizvedenija zhiznennogo puti) [Tekst] / A. V. Zejgarnik // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. – 2001. – № 4. – S. 182–193.
10. Zejgarnik, B. V. Zapominanie zakonchennyh i nezakonchennyh dejstvij [Tekst] / B. V. Zejgarnik // Dinamicheskaja psihologija: Izbrannye trudy / obshh. red. D. A. Leont'eva, E. Ju. Patjaevoj. – M.: Smysl, 2001. – S. 427–495.
11. Zejgarnik, B. V. Ob jeksperimente v shkole K. Levina [Tekst] / B. V. Zejgarnik // Vestn. Mosk. un-ta. Serija 14, Psihologija. – 1987. – № 1. – S. 48–52.
12. Zejgarnik, B. V. Oposredstvovanie i samoreguljacija v norme i patologii [Tekst] / B. V. Zejgarnik // Vestn. Mosk. Un-ta. Serija 14, Psihologija. – 1981. – № 2. – S. 9–15.
13. Zejgarnik, B. V. Pis'mo Tamare Dembo ot 1928 g.
14. Zejgarnik, B. V. Puti issledovanija jemocional'no-volevoj sfery psihicheski bol'nyh [Tekst] / B. V. Zejgarnik // Voprosy jeksperimental'noj patopsihologii. – 1965. – S. 42–57.
15. Zejgarnik, B. V. Teorija lichnosti K. Levina [Tekst] / B. V. Zejgarnik. – M.: MGU, 1981. – 118 s.
16. Zejgarnik, B. V. Oчерки po psihologii anomalnogo razvitiya lichnosti [Tekst] / B. V. Zejgarnik, B. S. Bratus'. – M.: MGU, 1980. – 169 s.
17. Zejgarnik, B. V. Narushenija samoreguljaciei poznavatel'noj dejatel'nosti u bol'nyh shizofreniej [Tekst] / B. V. Zejgarnik, A. B. Holmogorova // Zhurnal nevropatologii i psichiatrii im. S. S. Korsakova. – 1985. – T. 85. – № 12. – S. 1813–1819.
18. Zejgarnik, B. V. Samoreguljacija povedenija v norme i patologii [Tekst] / A. B. Holmogorova, E. S. Mazur // Psihologicheskij zhurnal. – 1989. – T. 10. – № 2. – S. 122–132.
19. Klinicheskaja psihologija: v 4 t.: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Tekst] / pod red. A. B. Holmogorovoj. T. 1: Obshhaja patopsihologija / A. B. Holmogorova. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2010. – 464 s.
20. Kurek, N. S. Istorija sovetskoj medicinskoj psihologii v 1920–1930 gg. [Tekst] / N. S. Kurek // Psihologicheskij zhurnal. – 2011. – № 4. – S. 95–106.
21. Mazur, E. Konceptija nezavershennyh dejstvij v geshtal't-terapii [Tekst] / E. Mazur // Sbornik materialov Vserossijskoj konferencii po geshtal'tterapii Geshtal't-95. – M., 1996. – S. 38–45.
22. Mjasishhev, V. N. Rabotosposobnost' i bolezni lichnosti [Tekst] / V. N. Mjasishhev // Hrestomatija po patopsihologii / sost. B. V. Zejgarnik, A. P. Kornilov, V. V. Nikolaeva. – M.: MGU, 1981. – S. 36–48.
23. Nikolaeva, V. V. B. V. Zejgarnik i patopsihologija [Tekst] / V. V. Nikolaeva // Psihologicheskij zhurnal. – 2003. – № 4. – S. 13–21.
24. Nikolaeva, V. V. Fenomen Zejgarnik [Tekst] / V. V. Nikolaeva, Ju. F. Poljakov // Patopsihologija / pod red. A. S. Spivakovskoj. – M.: JeKSMO-Press. – 2000. – S. 9–18.
25. Perezhigina, N. V. Stanovlenie klinicheskoi psihologii i formirovanie ob#ektivnogo kliniko-psihologicheskogo metoda v Rossii [Tekst] / N. V. Perezhigina // Razvitie psihologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya. – Chast' 2. – M.: Institut psihologii RAN, 2012. – S. 111–113.
26. Rubinshtejn, S. L. Problemy obshhej psihologii [Tekst] / S. L. Rubinshtejn. – M.: Pedagogika, 1973. – 424 s.
27. Rusina, N. A. Klinicheskij psiholog v sisteme zdavoohranenija: problemy, realii, perspektivy [Elektronnyj resurs] / N. A. Rusina. – Rezhim dostupa: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_1_12/nomer/nomer05.php (Data obrashhenija: 15.09.15).
28. Sokolova, E. T. Fenomen lichnosti B. V. Zejgarnik (k 100-letiju so dnja rozhdenija) [Tekst] / E. T. Sokolova // Voprosy psihologii. – 2001. – № 2. – S. 94–99.
29. Shul'c, D. Istorija sovremennoj psihologii [Tekst] / D. Shul'c, S. Shul'c. – SPb.: Evrazija, 1998. – 528 s.
30. Jakunin, V. A. Istorija psihologii: ucheb. posobie [Tekst] / V. A. Jakunin. – SPb.: Izd-vo Mihajlova V. A., 2001. – 379 s.
31. Jaroshevskij, M. G. V shkole Kurta Levina. Iz besed s B. V. Zejgarnik [Tekst] / M. G. Jaroshevskij // Voprosy psihologii. – 1988. – № 3. – S. 172–179.
32. Jaroshevskij, M. G. Istorija psihologii [Tekst] / M. G. Jaroshevskij. – M.: Mysl', 1966. – 565 s.

¹ В содержании данной статьи понятия «медицинская психология» и «клиническая психология» для удобства используются как синонимы.